

ТЕМАТИКА ФЕМИНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ В ПРЕПОДАВАНИИ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

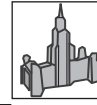
Н.И. МАРТИШИНА

Дается обзор проблематики, рассматриваемой феминистской философией науки. Показывается принадлежность феминистской философии науки к тематическому пространству социальной эпистемологии. Выявляются возможности использования ее разработок в преподавании гносеологических дисциплин.

Ключевые слова: феминистская философия науки, социальная эпистемология, преподавание истории и философии науки.

Феминистская философия науки представляет собой активно развивающееся и не менее активно продвигающее собственные идеи направление в современной эпистемологии. Пока для нашей практики преподавания она остается периферийным предметом рассмотрения, оттесняясь на второй план в курсе истории и философии науки другими, более концептуальными философскими исследованиями науки, а в курсе общей философии – социальными и мировоззренческими идеями феминизма. В стандартные программы рассмотрение данного направления не входит. Между тем интеграция некоторых разработок феминистской философии

науки в курсы теории познания (для студентов) и истории и философии науки (для аспирантов) имеет, как мне кажется, все шансы оказаться удачной – по двум причинам. Во-первых, авторы феминистской философии науки, как правило, пишут эмоционально, аргументируют с размахом, нетривиально интерпретируют привычные утверждения, обращаются к личному опыту. Обсуждение таких текстов активизирует аудиторию, вовлекает ее в дискуссии, ход которых часто становится неожиданным для многих участников, и, вообще говоря, позволяет почувствовать жизненно-практический смысл обоснования той или иной философской позиции. Во-вторых, поскольку общая направленность феминистской философии науки лежит в пространстве методологических принципов социальной эпистемологии, многие ее суждения успешно вводят читателя в контекст социально ориентированного анализа гносеологических проблем. В данной статье мы постараемся дать обзор некоторых интересных (и перспективных для включения в учебные курсы) с указанной точки зрения эпистемологических идей и разработок феминистской философии, оставляя за кадром ряд других – может быть, более значимых в рамках самого направления – ее предметных областей.

По оценке самих феминистски ориентированных авторов, основными направлениями феминистского подхода в философии науки являются: 1) выявление женского неравноправия в сфере научной деятельности и изучение социальных причин такого неравноправия; 2) обнаружение вклада науки в установление социального подчинения женщин; 3) обнаружение вклада философии науки в создание того же положения¹. Базовым прицелом феминистской философии науки, обусловленным ее возникновением в общем русле феминистского движения, и наиболее простой темой для ознакомления слушателей с этим направлением является, безусловно, первый из этих пунктов. С него и целесообразно начать.

Феминистская философия науки утверждает, что в науке существует как явная, так и скрытая дискриминация женщин. Статистически достоверные данные о существующей на протяжении всей истории науки диспропорции – среди выдающихся ученых мужчины составляют подавляющее большинство – феминизм объясняет двумя обстоятельствами. Во-первых, на протяжении практически всего времени развития науки женщины имели несравненно меньшие возможности получения образования. В европейские университеты женщины получили доступ только в XIX в., а к постуниверситетским формам образования – только в XX в. В условиях растущей специализации и профессионализации науки это обстоятельство оценивается как кри-

¹ Potter E. *Feminism and Philosophy of Science: An Introduction*. L. ; N.Y. : Routledge : Taylor & Francis Group, 2006. P. 3.

тическое. Во-вторых, по мнению феминистской философии науки, общие андроцентристские установки общественного сознания приводят к недостаточному вниманию историков науки к вкладу в ее развитие женщин, занимавшихся научными исследованиями в качестве помощниц своих мужей, отцов, братьев (в прошлом практически единственно возможная социальная «ниша» для женского интеллектуального труда).

Применительно к современной ситуации феминистская критика науки обращает внимание на тонкие, неявные формы дискриминации женщин, которые отчасти могут рассматриваться как отголоски традиционных барьеров. Отмечаются и подкрепляются статистическими данными, в частности, феномен «стеклянного потолка» – сохранение совокупности неписаных правил, затрудняющих для женщин переходы с одного уровня иерархии на другой и из одной организации в другую, включение в научные коллективы, прохождение различных отборов: по отношению к ним ниже коллегиальная поддержка, они реже получают внутренние и внешние гранты, чаще слышат на собеседованиях расспросы об обстоятельствах личной жизни, эти обстоятельства чаще учитываются при принятии кадровых решений. В результате фиксируется феномен «перевернутой пирамиды»: процент работающих в науке женщин выше в менее престижных, менее финансируемых, медленнее развивающихся и менее перспективных организациях. К этому добавляется еще феномен «ролевой инкапсуляции»: женщинам в научных коллективах чаще поручают рутинные виды работы (вычисления, каталогизация, ведение документации), что реально сокращает их значимость в коллективных исследованиях. Таким образом, сравнительно меньшая роль женщин в науке по крайней мере отчасти превращается в самоподдерживающееся явление².

Данный ракурс феминистской рефлексии над наукой кроме общего его представления в лекции (которое целесообразно выдержать в отстраненной по отношению к феминизму интонации) открывает возможность для следующих форм учебной работы. Для аспирантов оказываются интересными рефераты, посвященные известным женщинам в истории своей предметной области. Другой вариант – поскольку, например, на нашей кафедре практикуются в качестве возможных тем рефератов к кандидатскому экзамену по истории и философии науки историко-научные реконструкции значимых открытий – рассмотрение открытия, включающего «женский вклад»

² Некоторые данные по поводу перечисленных тенденций, в том числе касающиеся отечественной науки, а также их анализ желающий обратиться к этой теме преподаватель найдет, например, в сборнике: Гендерные отношения и гендерная политика в вузе; под ред. Е. Г. Трубиной, М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003, в статьях Э. Шоре, О. Шабуровой, М. Литовской и др.

(оценка которого в литературе довольно часто является проблематичной). В таком контексте может быть рассмотрена, в частности, история исследований пространственной структуры ДНК. М. Уилкинс, Дж. Уотсон и Ф. Крик получили Нобелевскую премию по физиологии и медицине за создание ее модели. О недооцененности роли в этом открытии работ Розалин Франклин, впервые осуществившей рентгеновский дифракционный анализ молекулы ДНК, в последние годы написано достаточно много. Похожий момент отмечается и при прослеживании истории открытия пульсаров – первоначально их обнаружила и высказала предположение о том, что это новые астрономические объекты, аспирантка Джоселин Белл, но вопрос об авторстве открытия, связанный с его интерпретацией, оказался спорным. Драматичность указанных эпизодов не только повышает интерес к разработке рефератов, но и позволяет впоследствии более предметно обсуждать сложность установления приоритета в науке, некоторые моменты научной этики и т.д.

Попробуйте предложить аудитории вспомнить имена женщин ученых. Как правило, называют лишь Марию Склодовскую-Кюри и Софью Ковалевскую. Предложение преподавателя подготовить реферат, например, об Александрийской школе³, специально обратив внимание на фигуру Гипатии; о научном творчестве Лавуазье – вспомнив о его жене Мари, участвовавшей в исследованиях, переведившей необходимую литературу и даже опубликовавшей некоторые работы от его имени уже после его смерти; об исследованиях Гершеля – учитывая вклад его сестры, Каролины Гершель; о работах Пастера – отдав должное его жене Мари Лоран, работавшей вместе с ним и в годы его тяжелой болезни осуществлявшей экспериментальную работу; о работе Ч. Бэббиджа над первой вычислительной машиной – оценив роль его помощницы Ады Лавлейс и т.д., позволяет углубиться в историю науки и увидеть ее в более личностном, часто повышающем заинтересованность аспирантов ракурсе. Был и определенный отклик на предложение самим поискать женские имена в разрабатываемой аспирантами тематике. В частности, не особенно успешной (прежде всего в силу ограниченности имеющейся литературы), но в целом любопытной попыткой оказался реферат, посвященный Елене Сергеевне Вентцель, автор которого попробовал соединить анализ методологических принципов и практической значимости теории ве-

³ Темы таких рефератов могут быть вполне традиционными, например: «Александрийская школа как научное сообщество». Преподаватель лишь рекомендует обратить внимание на определенные персоналии и в связи с этим рекомендует дополнительную литературу. Например, по указанной теме такие источники, как: *Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи*. М., 1988, дополняются работами: *Фили К. Гипатия: жертва конфликта между старым и новым миром // Вопросы истории естествознания и техники*. М., 2002. № 2; *Штекли А. Гипатия, дочь Теона*. М., 1971.

роятности и теории игр с вопросом о значении качественной популяризации научных знаний, а также с обсуждением некоторых социально-этических проблем, обозначенных в написанных Вентцель под «математическим» псевдонимом И. Грекова повестях «Кафедра» и «На испытаниях». Расширение горизонтов, а возможно, и некоторая поддержка в самоопределении начинающих исследователей, в первую очередь девушек, – не такой уж плохой результат для той части слушателей, которая заинтересуется данной тематикой рефератов.

В зависимости от уровня конкретной аудитории как в студенческой, так и в аспирантской группе можно также рискнуть сделать предметом специальной дискуссии достаточно провокационную проблему различий мужских и женских способностей к научной деятельности. Феминистская философия науки активно занимается выявлением и критикой так называемых сексистски ориентированных разработок, т.е. исследований, направленных на обоснование «дискриминационных» идей (реально под этим понимаются все исследования, которые дают возможность для интерпретаций такого плана). К дискриминационным исследованиям феминизм относит прежде всего построения в социобиологии и психологии, касающиеся вопросов о том, чем мужской стиль мышления и мужские интеллектуальные способности отличаются от женских; биологические и этнографические описания сообществ, подчеркивающие доминирование особой мужского пола как «естественное», и т.п.

Неплохой отправной точкой для обсуждения является, например, гипотеза М. Лайона, призванная объяснить статистические данные о том, что, хотя усредненные показатели интеллекта одинаковы у мужчин и женщин, у мужчин больше разброс показателей и соответственно их больше как среди самых отсталых, так и среди самых одаренных. Лайон объяснил этот факт тем обстоятельством, что, поскольку у женщин две X-хромосомы, экстремальное проявление любого гена менее вероятно. Феминистская программа в науковедении инициировала проведение серии независимых эмпирических исследований, обнаруживших ряд гендерных различий в вербальных, математических, зрительно-пространственных способностях⁴. Феминистские интерпретации статистических данных, фиксирующих различия в способностях, как правило, указывают на то, что выявленный уровень гендерных различий (от 1 до 5 %), очевидно, не является принципиальным (особенно в сравнении с 95 % индивидуальных различий), и акцентируют внимание на невозможности строгого разграничения собственно биологических предпосылок и социальных условий развития личности (например, трудно определить, в какой мере меньшие

⁴ Maccoby E., Jacklin C. The Psychology of Sex Differences. Stanford : University Press, 1974.

возможности девочек в решении олимпиадных задач по математике объясняются их природными особенностями, а в какой – меньшими затратами учебного времени на изучение математики в связи с профилизацией обучения, выбором иных факультативов и т.д.). Полемика вокруг гипотезы Лайона и разработок Маккоби и Джеклин представлена в изданной на русском языке книге, достаточно популярной даже для студенческой аудитории⁵. При программировании дискуссии целесообразно заранее подготовить по ней одно или несколько стартовых сообщений (фактический материал о гендерных различиях способностей, гипотеза Лайона и общая постановка проблемы, феминистская позиция).

Дискуссия на тему различия мужских и женских способностей к научной деятельности вряд ли хотя бы в какой-то степени может рассматриваться как способ решения или даже прояснения проблемы. Она скорее представляет собой эмоциональную встряску, маркер, на который слушатели будут в течение некоторого времени оглядываться, вспоминая собственную вовлеченность и практическое значение обсуждения абстрактных вопросов. Кроме того – поскольку данная тема не часто затрагивается, тем более в гносеологических курсах, – слушатели нередко удивляют себя и других, впервые формулируя явно собственную жизненную позицию. Имеющийся у автора данной статьи опыт ограничен более всего работой со студентами и аспирантами технического вуза, что явно накладывает свой отпечаток на характер полемики; но все же представляется достаточно типичным разделение аудитории на три категории. Девушки (как правило, за одним-двумя исключениями) занимают довольно монолитную позицию, демонстрируя осознание сложностей конкуренции в маскулинной среде и стремление оказаться в этой конкуренции достойными специалистами. Часть мужской аудитории относится к этому вполне толерантно, в том числе отдавая должное конкретным соученицам и апеллируя к социальным ценностям общего характера. Другая часть этими заявлениями искренне поражена: они никогда не сомневались, что у женского пола другое, не приспособленное к освоению математики и технических наук мышление (несмотря на присутствие в группе однокурсниц, обгоняющих их в учебе), и привыкли считать естественным предназначением женщины и ее естественным желанием погружение в семью, с трудом открывая для себя возможность альтернативной жизненной позиции.

Подчеркнем еще раз, что сама по себе тема данной дискуссии является условной и несколько провокационной, далеко не в каждой группе ее проведение является удачным выбором. Тем не менее возможный импульс к размышлению над обоснованностью некоторых

⁵ Берн Ш. Гендерная психология. СПб. : Прайм-Еврознак; М. : Олма-Пресс, 2004.

мировоззренческих позиций, вообще говоря, отвечает задачам философии. В дополнение к обозначенным источникам хотелось бы обратить внимание на статью А.Н. Лука⁶ и на реферативный сборник «Женщины в науке»⁷, включающий, в частности, обзор дискуссий по указанной проблеме, подготовленный Т.В. Виноградовой⁸.

В целом же первичное и относительно простое направление феминистской философии науки естественным образом обнаруживает социальную и личностную размерность науки, что создает возможность для вхождения с ее помощью в тематическое пространство социальной эпистемологии. По утверждениям самих авторов, «понимание науки как социального процесса» является «необходимым фундаментом»⁹ для феминистских концепций науки.

Социализация и персонализация образа науки в ее феминистских описаниях обусловлена в общем плане установкой на описание реального научного познания в противовес рассуждению о науке в категориях долженствования (по утверждению ее авторов, феминистская философия науки «более или менее естественна и менее или более нормативна»¹⁰), а также ориентацией на осмысление современной истории и современной научной практики. Важной и необходимой для своего построения задачей феминистская философия науки считает выявление скрытых социальных оснований внешне нейтральных исследований. При этом она занимает довольно толерантную позицию по отношению к смежным исследованиям, в частности, не считая ни достижимым, ни существенным жесткое разграничение социальной эпистемологии и социологии науки (так, работы К. Кнорр-Цетины характеризуются как «феминистски дружественный» источник) и обнаруживая некоторые параллели с марксизмом в признании социальной обусловленности определенных точек зрения (например, такую аналогию проводит С. Хардинг, указывающая на общность идеи о том, что материальные условия жизни людей формируют их понимание социального и природного мира).

Для преподавания гносеологических дисциплин, выстраиваемого с позиций социальной эпистемологии, определенный интерес представляют прежде всего накопленные в феминистских исследованиях

⁶ Лука А.Н. Женщины в науке (научно-аналитический обзор) // Проблемы научного творчества : Сб. научно-аналитических обзоров. М., 1985. Вып. 4. С. 65–98.

⁷ Женщины в науке. Сер.: Науковедение за рубежом. М., 1989.

⁸ Виноградова Т.В. Интеллект и творческие способности женщин: значение биологических и социальных факторов // Женщины в науке. С. 103–142.

⁹ Келлер Э. Феминизм и наука // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М. : РОССПЭН, 2005. С. 204.

¹⁰ Potter E. Op. cit. P. 6.

материалы, аргументирующие существование социальной основы познания в виде его базовой и зачастую нерелексированной идеологии и влияние этой идеологии на конкретные научные разработки. Безусловно, этот материал обладает тематической ограниченностью, поскольку феминизм стремится прежде всего к обнаружению андроцентристских установок познания; тем не менее содержательный разбор конкретных исследований достаточно информативен. Например, Э. Вайли предложила следующий анализ дискуссии о способах распространения культурных растений по территории доколумбовой Америки. В рамках данной дискуссии были выдвинуты три основные точки зрения: растения распространялись самопроизвольно, в результате воздействия природных факторов – ветров, птичьих перелетов и т.п.; растения дополнительно распространялись шаманами в межплеменных взаимодействиях для обеспечения ритуалов; растения распространялись женщинами с сельскохозяйственными целями. Вайли показала, что в ходе данной дискуссии использовались в качестве оснований следующие положения, не подтверждаемые, а принятые как аксиомы: женщины (не мужчины) несут ответственность за обеспечение пищей; мужчины (не женщины) могли целенаправленно планировать глобальный культурный сдвиг; существуют естественные различия полов в склонности к инновациям и стратегическому планированию¹¹. Более локальный пример того же плана – замеченное Б. Спаниер в молекулярной биологии деление бактерий на «мужские» и «женские», которое, разумеется, не имеет никакой физиологической интерпретации, а связано исключительно с их активной или пассивной ролью в соединении¹². В обоих случаях анализ ситуации позволяет предметно выявлять не очевидные, но реальные убеждения производивших данные исследования ученых, имеющие, безусловно, социальное происхождение и проникшие в ткань научного поиска.

В связи с этим обращает на себя внимание феминистская категория «standpoint», введенная Хардинг по аналогии с понятием «точка зрения» (viewpoint). Standpoint – тоже точка зрения, но социально заданная; это взгляд с определенной позиции, обусловленной положением в социальной системе, участием в социальных процессах. Свои standpoints имеют различные группы в обществе, например рабочие, католики, спортсмены, афроамериканцы и т.д.; у доминантных, подчиненных, маргинальных групп есть свои дискурсивные рамки, концептуальные схемы, эпистемы, через которые они рассматривают не только социальные отношения, но и природу. Хардинг характеризует

¹¹ Wylie A. Why Standpoint Matters // Science and Other Cultures: Issues in Philosophy of Science and Technology. N.Y. : Routledge, 2003. P. 26–48.

¹² Spanier B. Im/partial Science: Gender Ideology in Molecular Biology. Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1995.

standpoint еще как «объективную позицию в социальных отношениях, выраженную через определенную теорию или дискурс»¹³. Отпечаток таковой оказывается неизбежным в любом познавательном акте, и феминизм демонстрирует ракурс рассмотрения, в котором это выявляется.

В результате получают дополнительную поддержку – а в учебном процессе становятся более понятными для слушателей – еще некоторые идеи современной эпистемологии. Во-первых, обозначенная в теории познания в качестве перспективы развития трактовка субъекта познания как экзистенциального, «наполненного бытием»¹⁴, телесного оказывается в феминистской философии науки конкретизированной понятным способом: субъект познания в каждом локальном случае – американский белый мужчина, европейская женщина среднего класса, афроамериканка из бедных слоев населения и т.д., и их различие в качестве познающих субъектов, заключающееся не только в уровне образованности, но и в идеологии, задающей стратегию познания, очевидно.

Во-вторых, феминистская философия науки не видит особенных различий между развертыванием научного и вненаучного знания, поскольку любое познание базируется на определенной, не обосновываемой рационально в его рамках идеологии. В этом плане нет отчетливой разницы между научной теорией, философской концепцией и суждением здравого смысла. Линн Нельсон называет эту точку зрения холизмом, хотя здесь напрашивается скорее сопоставление с гносеологическим анархизмом в довольно радикальном – в духе П. Фейерабенда – варианте. В целом же просматривается соответствие данной установки интенциям социальной эпистемологии, признающей ценность научной рациональности, но не приверженной прямолинейному сциентизму. На занятиях данная позиция может быть отправной точкой, в частности, для обсуждения вопроса о том, на каких убеждениях базируется наука в целом как способ понимания мира.

В-третьих, феминистская философия науки активно включается в критику «онтологической тирании», теории нейтральности науки, утверждения о возможности чисто эмпирического знания, выявляя – под именем идеологии – неясную теоретическую нагруженность опыта. Популярная феминистская метафора сравнивает совокупность знаний, формирующихся в различных познавательных контактах с объектом, с разнообразием образов моря, возникающих у людей, живущих на его берегу и занимающихся кто рыболовством, кто пере-

¹³ *Harding S. Is Science Multicultural? Postcolonialisms, Feminisms, and Epistemologies.* Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 1995. P. 150.

¹⁴ См.: *Микешина Л.А., Опенков М.Ю.* Новые образы познания и реальности. М., 1997. С. 56.

возками, кто опреснением воды – у всех представление о море будет разным, и это зависит не от индивидуальной специфики или врожденной категориальной рамки, а от характера деятельности, в контекст которой включено познание. Для феминистских авторов очевидно, что высказываемые ученым положения никогда не являются простым отображением фактов, а выступают результатом взаимодействия фактов с определенными когнитивными и некогнитивными установками.

Феминизм считает одной из «дружественных разработок» идею неполной эмпирической обоснованности теории, регулярно ссылаясь, в частности, на тезис У. Куайна при обосновании возможности построения различных теорий на одном и том же эмпирическом базисе. Специфика феминистского подхода состоит в том, что основным материалом для достройки концепции над эмпирическим уровнем считаются не внутритеоретические и холистические основания, а социально обусловленные установки и ценности. Тем не менее их разбор самого процесса достройки достаточно показателен. Так, Э. Андерсон, обсуждая вопрос о роли когнитивных и некогнитивных ценностей в научном познании, указывает на следующие моменты: исследователь начинает, как правило, с ориентации на некоторый практический или теоретический запрос; выделяет проблемы, соответствующие таким запросам; локализует определенным образом объект и предмет исследования; определяет, какого типа данные необходимо собрать; устанавливает процедуры и придерживается их; анализирует данные, используя выбранные методы; решает, когда прекратить сбор данных; делает выводы. На каждом из этих этапов он ориентируется на определенные когнитивные или некогнитивные ценности¹⁵. Например, ученый считает (обычно в соответствии с тем, что принято на данный момент в науке), что лучшей проверкой знания является вещественный эксперимент или, напротив, более показательным будет построение математической модели (это когнитивные ценности), или знает, что эксперимент должен быть минимально затратным (некогнитивные ценности). Ориентация на ценности неизбежна уже потому, что в качестве научных фактов никогда не могут быть рассмотрены *все* события, имевшие место в данном пространственно-временном отрезке, и ученый с необходимостью принимает решение, что относится к условиям опыта, а что – нет. Сходным образом Э. Вайли обосновывает утверждение о том, что археологические данные – это «интерпретационные конструкции», на конкретном этнографическом материале¹⁶.

¹⁵ Изложение данной позиции см.: Potter E. Op. cit. P. 92.

¹⁶ Wylie A. Op. cit. P. 26–48.

Таким образом, феминистская философия науки представляет собой вариант конструктивистского взгляда на познание. По определению И.Т. Касавина, «конструктивизм – направление в теории познания, в основе которого лежит представление об активности познающего субъекта, использующего специальные рефлексивные процедуры при построении образов, понятий и рассуждений»¹⁷. Феминистская философия науки демонстрирует близкий к этому взгляд, акцентируя внимание на значимости социальных норм, ожиданий, убеждений и предубеждений в качестве инструментария, используемого при построении гносеологических образов. Свое место в этой системе конструктивных компонентов занимают и эмоционально-ценностные установки: «Изучать природу с уважением, терпением, презрением, любопытством или безразличием означает частично конструировать ее как объект исследования»¹⁸. При этом феминистский конструктивизм, как ни странно, носит достаточно взвешенный характер, поскольку основания и процедуры конструирования рассматриваются как заданные объективными обстоятельствами. Вайли в указанной статье употребляет для описания статуса гносеологического образа термин «полуавтономия» – если гипотеза не полностью эмпирически детерминирована, то произвольной она тем более не является.

При этом существенно, что феминистская философия науки, акцентируя внимание на конструктивной организации знания и его социальной нагруженности, рассматривает эти характеристики знания если не как достоинства, то уж во всяком случае и не как недостатки. В этом плане феминистская философия науки успешно оторвалась от позитивистской стратегии познания в пользу более современных эпистемологических программ, получающих в феминизме наглядную интерпретацию. Так, в феминистской философии науки достаточно высоко оценивается «эмоциональное познание» – увлеченность процессом исследования, позитивное отношение к объекту. Если традиционная гносеология склонна была трактовать эмоции в познании как альтернативу рациональному подходу и источник заблуждений, то в феминистской эпистемологии предполагается, что эмоции обеспечивают активное действие и потому являются одним из факторов, способствующих познанию, обладают «эпистемным потенциалом»¹⁹. Феминизм здесь скорее близок к русской философской традиции, в

¹⁷ Касавин И.Т. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология & философия науки. 2009. № 2. С. 144.

¹⁸ Potter E. Op. cit. P. 138.

¹⁹ Джэаггар Э. Любовь и знание: эмоции в философской эпистемологии // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. М., 2005. С. 174.

рамках которой (например, у П. А. Флоренского) европейская наука критиковалась за объективизм и рационализм, а возможность подлинного знания связывалась не только с разумом, но и с чувством единения с природой. Феминистские авторы приближаются к тезису «Познание делается любовью», доказывая, что эмоциональность направляет, формирует и даже частично определяет саму возможность исследования, а эмоциональное отношение к объекту исследования может не только не мешать, но и, напротив, способствовать активному получению информации о нем. Например, Дж. Гудолл очень хотела стать профессиональным биологом, мечтала успешно провести самостоятельное исследование и симпатизировала шимпанзе. Именно это обеспечило полученные ею результаты – иначе просто невозможно было бы день за днем следовать за группой шимпанзе с биноклем в руках.

Основанность познания на определенной идеологии, ценностной позиции и standpoint также интерпретируется в феминистской философии не как причина изначальной ограниченности познания, а как позитивный фактор. Во-первых, существует аргументация, во многом схожая с марксистской идеей о том, что любое познание ангажировано, но ангажированность познания социальной группы, интересы которой совпадают (по крайней мере, на определенном отрезке истории) с направленностью общественного прогресса, обеспечивает адекватную социальную позицию. Феминизм указывает, что женская познавательная позиция уже в силу того, что это «восходящий класс» – специфическая позиция данной социальной группы еще только утверждается в науке, – часто оказывается перспективной. Кроме того, связанность знания с определенной социальной позицией означает, что смена позиции будет означать и смену ракурса рассмотрения объекта и во многих случаях расширение горизонтов исследования. Особенно это важно для социально-гуманитарного познания: женщины видят многие ситуации несколько иначе, чем мужчины, просто в силу иного жизненного опыта, и потому могут поставить иные вопросы. Так, если изучение ранних внебрачных беременностей исследователи-мужчины прежде всего связывают со структурой родительской семьи и недостаточностью воспитания, то женщины-исследователи видят в ней в первую очередь проблему взаимоотношений партнеров-подростков, что переводит исследование даже в тематическое пространство иной сферы познания. История в традиционном варианте построения является «мужской», так как фиксирует в основном такие события, как войны и политические перевороты (иначе говоря, деятельность, не просто осуществляемую мужчинами, но и лежащую целиком в русле маскулинных форм поведения и ценностей – агрессии, стремления к власти). Женский взгляд вдохновляет исторические исследования, посвященные изменениям

образа повседневной жизни, быта, ведения дома, т.е. вовлекает в орбиту исторического осмысления новые сферы деятельности. В более общем плане не только для социально-гуманитарных, но и для любых областей науки значимо, что женщины входят в них как «внутренние аутсайдеры» (занимающие ранее периферийную позицию и потому не считающие все установления в данной области единственно возможными) и «путешественники в страну туземцев» («туземцами» являются создатели классических концепций), вследствие чего они могут увидеть, что какие-то привычные постулаты на самом деле необычны, заслуживают обсуждения, не являются полностью обоснованными и т.д.

В целом феминистская эпистемология делает акцент на том, что конструирование знания с различных исходных позиций должно быть взаимодополнительным и в этом случае является методологически продуктивным. Например, Э. Андерсон проводит (в качестве case-study) сравнительный анализ изучения проблемы разводов с двух позиций – традиционалистской и феминистской. Первая из них делает отправной точкой признание ценности брака как такового, а развода как отклонения от нормы, вторая же считает брак ценным при определенных его параметрах и признает равно допустимым, также в зависимости от ситуации, как его сохранение, так и прекращение. В результате по-разному определяется объект исследования: в первом случае это сам акт развода и его последствия, прежде всего влияние на детей, во втором – брачные проблемы, приводящие к разводу, причем предполагается, что по крайней мере часть этих проблем существует и в нераспадающихся семьях. Как следствие, происходят различные локализации предметов конкретных исследований, например в первом случае – психическая травма у ребенка, во втором – изменение социальных ролей. В результате используются разные методы: в первом случае это статистический учет, анализ клинической картины и т.п., во втором – разбор примеров, внимание к персональному восприятию ситуации и т.п.

Собираются две несколько различные группы фактов, в частности, только в поле зрения феминистски ориентированных исследователей попадает тот «субъективный факт», что 70 % женщин после развода предпринимают шаги к личностному совершенствованию²⁰. За фактами следуют, разумеется, различные интерпретации и выводы. Исследование в любом направлении в какой-то момент неизбежно остановится в сборе фактов и окажется ограниченным в целом; поэтому методологически ценной является дополнительность исследовательских программ и идеологий. Утверждения феминистской философии науки о необходимости методологического плюрализма,

²⁰ См. об этом: *Potter E. Op. cit. P. 92–96.*

демократических процедур в науке, о разнообразии как пути к объективности, о том, что стоит дать дорогу определенным перспективам исследования, даже если они на первых порах слабее, также переключаются с «гносеологическим анархизмом» и идеей «аванса доверия», но выглядят не так декларативно, сформулированы умереннее и более содержательно проработаны.

В феминистской философии науки представляют интерес разработки, связанные с трактовкой познания как *групповой* деятельности. Во-первых, выстраиваемая здесь аргументация и ее проработка на конкретно-научном материале дополняют понимание познания как социального процесса: феминизм обосновывает, что «научное знание производится научными сообществами, а не изолированными индивидами»²¹. Так, Х. Лонгино высказывает довольно простую точку зрения на существующую эпистемическую проблему, утверждая, что человек может открыть что-то в одиночку, но статус знания это открытие приобретет, только будучи удостоверенным научным сообществом (не обязательно фактическим окружением исследователя). В связи с этим она вводит довольно удачный термин «*conformation*», обозначающий знание, которое согласуется с опытом и является продуктом согласия сообщества. Статус такого знания ею демонстрируется, в частности, на географических картах, соответствующих реальности через серию условностей. На «основной вопрос эпистемологии» – «кто знает?» – следует, таким образом, всегда отвечать: «мы знаем», – пишет Л. Нельсон²². Тема связи познания с определенным сообществом как его носителем проработана в феминизме достаточно широко.

Во-вторых, феминизм обращает внимание на значимость стиля внутригрупповых коммуникаций в науке для достижения правильных результатов. Позиция ученого, который изначально убежден в правильности лишь собственного (личного или группового) суждения, трактуется как «эпистемическая безответственность», а в том случае, если ученый, занимающий ее, обладает властью, – как «гносеологический империализм»²³. Вероятно, спорным является утверждение феминистских авторов о том, что женщины вообще в большей степени склонны учитывать различные точки зрения, искать возможности использования рациональных сторон различных подходов, стремиться не к утверждению единственной позиции, а к сочетанию разных ракурсов исследования, отдавать должное чужим заслугам и не подчеркивать свои. Тем не менее их суждение о необходимости ут-

²¹ Potter E. Op. cit. P. 127.

²² Цит. по: Ibid. P. 46.

²³ Коуд Л. Опыт, познание и ответственность // Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии. М., 2005. С. 180–195.

верждения именно такого стиля в современной научной практике не только с общих этических позиций, но и исходя из практической целесообразности рационального выстраивания взаимодействия в условиях неизбежной дополнительности подходов, безусловно, заслуживает обсуждения. В связи с этим предметным материалом для дискуссии, в том числе в аспирантской группе, могут стать регулятивные принципы научного взаимодействия, сформулированные Лонгино: необходимо 1) ценить критику, обнаруживающую неполноту концепции, столь же высоко, как саму концепцию (в противовес более низкой оценке «негативных» разработок по сравнению с оригинальными); 2) сопротивляться и выстраивать диалог на основе критики, сохраняя концепции в общем дискурсе; 3) выработать публичные стандарты оценки теории; 4) обеспечивать «временное равенство» по отношению к теориям и людям. С одной стороны, такая дискуссия дает возможность обсудить вопросы об идеальном научном коллективе, о мере реалистичности этого образа в современных условиях, о научных авторитетах и статусе научных школ, с другой – обратить внимание начинающих исследователей на необходимость определенной коммуникативной подготовки для работы в науке, затронуть некоторые общие вопросы научной этики и т.д.

В-третьих, феминизм описывает науку в ее истории как в целом маскулинное по духу предприятие: это идеология покорения природы, овладения ею, охоты на истину и ее завоевания. Феминистские авторы обращают внимание на классические метафоры в описаниях науки: «природа скрывается», «природа боится», обнаруживается «игра природы», «предусмотрительность природы», но человек должен и может преодолеть ее сопротивление, применив для этого все доступные средства. В связи с этим о новом «женском» подходе в феминистской эпистемологии говорится не только в буквальном смысле, как о стиле исследования, который привносят в науку женщины, но и как об общем изменении позиции ученого, ориентированном на такие феминно-ассоциированные характеристики, как забота, ответственность, ненасилие, терпимость, диалогичность. Сравнение обозначенных метафорических рядов может быть использовано для описания различий классической, неклассической, постнеклассической науки, фундаментального изменения стиля научного мышления и научной деятельности²⁴.

Таким образом, можно говорить о достаточно широком спектре феминистских исследований науки как сферы культуры и социальной деятельности и об обширном и показательном материале, собранном в этих исследованиях. Сама по себе феминистская критика под-

²⁴ См. об этом подробнее: *Мартышина Н.И.* Маскулинное и феминное в науке // Гуманитарные исследования : Ежегодник. Омск, 2006. Вып. 11. С. 52–58.

чиненного положения женщин в науке является естественным продолжением общей критики социального неравенства, андроцентризма, «сексизма» и требований равноправия, со всеми достоинствами, преувеличениями и тупиками данной идеологии, и в социальной стороне феминистской философии науки нет, по существу, ничего особенно значимого для эпистемологии. Но в поисках теоретической платформы феминистская философия науки усвоила, адаптировала, наполнила содержательным материалом и частично продвинула дальше многие идеи социальной эпистемологии. В силу этого идеи и материалы феминистской эпистемологии и философии науки могут быть использованы как в курсе теории познания для студентов, так и в курсе истории и философии науки для аспирантов.

Для знакомства студентов и аспирантов с идеями данного направления из отмеченных источников целесообразно прежде всего рекомендовать сборник: Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии. М., 2005. Он достаточно доступен, и в отличие от большей части феминистски ориентированных разработок в нем отчетливо выделена фундаментальная философская, в том числе эпистемологическая проблематика.